

РОССИЯ В ЗАПАДНОЙ НАУКЕ

А.Н. ОЛЕЙНИК

Расцвет и упадок региональных исследований

По данным Web of Science, доля регионоведения в публикациях на Западе о ряде не-западных стран, в том числе Китая и России, снижается. Обсуждаются возможные причины: процессы глобализации, связь регионоведения с геополитикой, преобладание в региональных исследованиях нормативных аспектов над позитивными и тенденция к описательности. Регионоведение может преодолеть кризис при условии четкого отделения от геополитики, развития более строгих методов исследования (например, на базе контент-анализа) и теоретических рамок (к примеру, на базе концепта множественности современности).

Ключевые слова: советология, россиеведение, регионоведение.

DOI: 10.31857/S086904990005828-2

Россиеведение, или Russian studies, в качестве особой дисциплины существует как в России (см., например, [Труды по россиеведению... 2009]), так и на Западе. Однако исторически советология как непосредственный предшественник россиеведения возникла именно на Западе. Советология была призвана помочь разобраться, что же именно происходит “за железным занавесом” и каковы направления возможных изменений социалистической системы. Как область исследований советология сформировалась в 1950-е гг., с началом “холодной войны”. “Осмысление советского опыта и попытки предсказать его будущее сегодня в моде, да иначе и быть не может”, – писал один из первых обученных именно как советолог исследователей в конце 1950-х гг. [Croan 1959, p. 575]. С падением “железного занавеса” россиеведение не исчезло, а вошло в страноведение или регионоведение – *area studies*.

Даже в период своего расцвета, советология не имела статуса отдельной научной дисциплины. Она оставалась именно областью междисциплинарных исследований. Советологи и россиеведы заимствовали методы исследования из других дисциплин – истории, политической науки, экономической науки, социологии, культурологии. Причем комбинация методов и данных в каждом конкретном случае уникальна. Особого “канона” советологических и россиеведческих исследований не возникло.

Аналогична ситуация и в других областях регионоведения. Оно призвано поставлять знания о происходящем в конкретных странах, институциональная система которых отлична от существующей на Западе, – в Латинской Америке, в Африке, в странах Востока. Как и в советологии, в регионоведении нет строгих стандартов касательно методологии исследования, сбора и обработки данных. В этой связи обсуждение нынешнего состоя-

О л е й н и к А н т о н Н и к о л а е в и ч – доктор экономических наук, PhD (социология), профессор Университета “Мемориал” (Канада), ведущий научный сотрудник Центрального экономико-математического института РАН (Москва). Адрес: Sociology Department Memorial University of Newfoundland St. John's, NL A1C 5S7 Canada. E-mail: aoleynik@mun.ca

ния россиеведения представляется целесообразным поместить в более широкий контекст. Каков вклад регионоведения на Западе в совокупные знания о незападных странах, в том числе и России? Как изменялся этот вклад во времени? Данная статья посвящена поиску ответов именно на эти два исследовательских вопроса.

Вклад региональных исследований в знания об отдельных странах

В качестве источника информации была использована база данных о научных публикациях Web of Science. Учитывая, что начиная с 2015 г. Web of Science включает модуль публикаций на русском языке, Russian Science Citation Index, поиск был ограничен публикациями только на английском языке. Это сделано с учетом миссии регионоведения в качестве поставщика для Запада знаний о происходящем в не-западных странах. По этой же причине из поиска были исключены статьи, написанные о конкретной стране исследователями из этой страны, например о России, аффилированными с российскими учреждениями исследователями. Поиск осуществлялся по тематике публикаций, а в качестве ключевого слова использовалось название страны¹.

В выборку не-западных стран были включены страны БРИКС – самые крупные национальные экономики за пределами Западной Европы, Северной Америки и Японии: Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южно-Африканская Республика. Кроме них, были собраны данные о публикациях, посвященных Советскому Союзу, двум крупнейшим, после России, постсоветским странам (Украине и Казахстану), двум восточноевропейским странам (Польше и Болгарии) и Ирану – региональному лидеру Западной Азии.

При периодизации поиска возникли следующие проблемы. В созданном в 1997 г. Web of Science проиндексированы ключевые публикации, увидевшие свет начиная с 1900 г. По сравнению с ситуацией до 1990 г., количество англоязычных периодических изданий в 1990-х, 2000-х и 2010-х гг. существенно возросло. Кроме того, ключевые периоды и события в новейшей (после окончания Первой мировой войны) истории, включенных в выборку стран, не совпадают. Если 1979 г. ознаменовался революцией и сменой вектора развития с прозападного на восточный в Иране, то 1991 г. стал началом разворота в противоположном направлении в истории постсоветских стран. Учитывая привилегированный статус советологии среди всех остальных региональных исследований, для сравнения использовались три периода: с 1917 до 1990 г. (существование СССР), с 1991 до 2004 г. (завершение переходного периода в постсоветских странах) и с 2005 по 2018 г. (становление новой социально-экономической системы в постсоветских странах [Олейник 2011]). Дополнительным обоснованием для использования 1990 г. в качестве точки отсчета стали повлиявшие на вектор развития Китая события на площади Тяньаньмэнь 1989 г., а 2004 г. – вступление в Европейский союз Польши и одобрение годом позже заявки Болгарии на членство в ЕС. Иными словами, переходный период в рассматриваемых восточноевропейских странах тоже завершился в середине 2000-х гг.

Наконец, выбор анализируемых дисциплин был продиктован собранными эмпирическими данными. Более половины всех опубликованных на Западе до 1990 г. включительно работ о России (72,8%), Китае (67,9%), Украине (63,4%), Советском Союзе (58,9%), Польше (57,4%), Южно-Африканской Республике (57,3%), Иране (51,3%) и Бразилии (50,1%) были написаны историками (14% всех работ о странах, включенных в выборку), политологами (11,3%), специалистами по регионоведению (10,7%) и по международным отношениям (6,9%), экономистами (6,8%) и социологами (3%). Именно эти шесть дисциплин – история, политология, регионоведение, геополитика, экономические науки и социология – и были отобраны для дальнейшего анализа.

¹ TOPIC: ([country name]), LANGUAGES: (ENGLISH), AND [excluding] COUNTRIES/REGIONS: ([country name]). Поиск осуществлялся 2–4 мая 2019 г.

От интеллектуально-политической моды до маргинализации

Интеллектуально-политические моды [Макаренко 2009], подобно модам вообще [Веблен 1984, с. 190], характеризуются непостоянством. Однако даже в период холодной войны, когда советология была в моде на Западе, не эта область исследований являлась основным поставщиком знаний о Советском Союзе. Советологи выступили авторами примерно 9% всех публикаций на Западе о предмете своих исследований – Советском Союзе. Причем эта доля фактически не менялась и после 1991 г., когда Советский Союз ушел в историю (см. рис. 1).

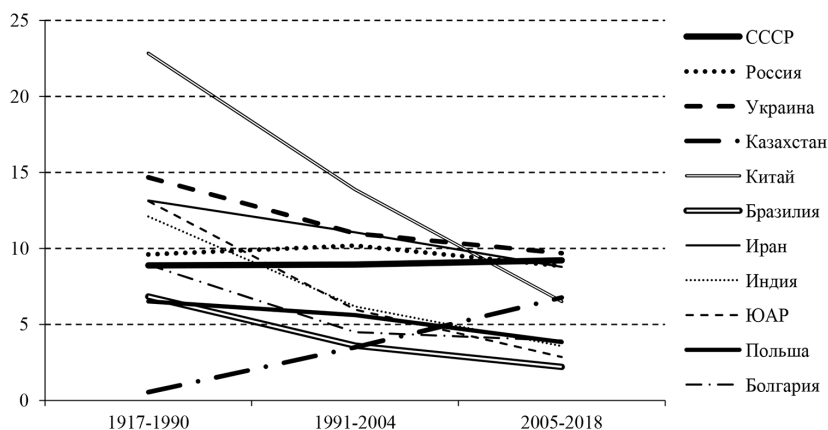

Рис. 1 Доля регионоведения в общем числе опубликованных в 1917–2018 гг. на Западе на английском языке работ, посвященных конкретным странам (в %).

Источник: Web of Science и расчеты автора.

Доля россияведения в публикациях о России на Западе сократилась с 9,6 до 8,8%, после некоторого увеличения в переходный период 1991–2004 гг. (до 10,2%). Регионоведение вышло из моды и в контексте исследований большинства других стран, включенных в выборку, даже тех, на которые распад СССР не мог оказать и опосредованного влияния. Так, его доля в исследованиях Ирана сократилась с 13,2 до 8,8%, в исследованиях Бразилии – с 6,8 до 2,2%. Падение доли регионоведов в общем числе публикаций о Китае особенно впечатляет – с 22,8 до 6,5%. Только в исследованиях Казахстана – новой, а потому ранее не исследованной страны – доля регионоведения выросла с 0,6 до 6,8%.

Сказанное не означает, что одновременно сократилось и количество публикаций, подготовленных регионоведами на Западе. В 1917–1990 гг. ими было опубликовано 4024 работ, а в 2005–2018 гг. – 15 237 работ (прирост в 3,8 раз). Однако при этом общее число работ о Китае выросло еще стремительнее, с 17 622 до 102 199, или в 5,8 раз. Только количество исследований исчезнувшего Советского Союза на Западе после 1990 г. неуклонно снижалось (см. рис. 2). Китай и (в несколько меньшей мере) Индия лидируют по количеству посвященных им публикаций. Бразилия, ЮАР и Россия образуют следующую группу стран по критерию уделяемого западными исследователями внимания. Те, кто ожидали, что Запад уделит исключительное или хотя бы приоритетное внимание России, видимо, будут разочарованы.

Как отмечалось выше, доля россияведения в посвященных России публикациях несколько сократилась. Так же сократились доли истории (с 35,5 до 11,9%) и социологии (с 3 до 1,9%). Одновременно незначительно выросли доли экономических наук (с 7,1 до 8,8%), геополитики (с 5,7 до 7,8%) и политологии (с 12 до 12,3%). В целом доля отслеживаемых общественных и гуманитарных наук в производимом на Западе знании о России сократилась с 72,8% до 51,4% (см. рис. 3). Остальное следует отнести прежде всего на счет естественных наук – экологии (6,2%), геологии (5,3%), и так далее.

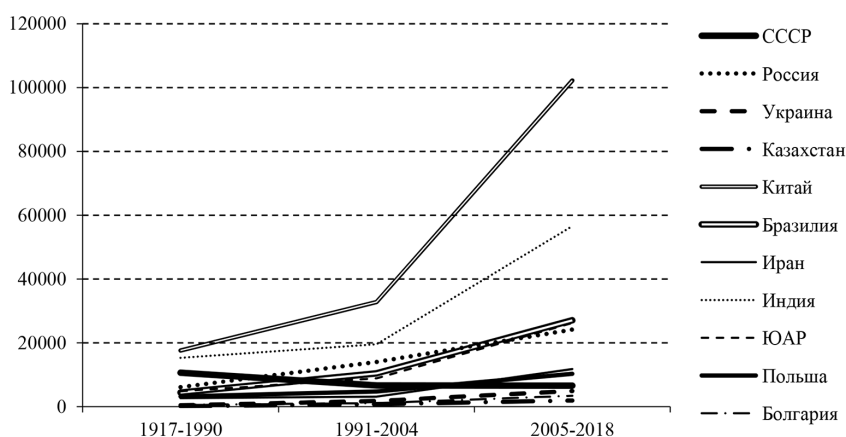

Рис. 2. Общее количество опубликованных в 1917–2018 гг. на Западе на английском языке работ, посвященных конкретным странам,

Источник: Web of Science и расчеты автора.

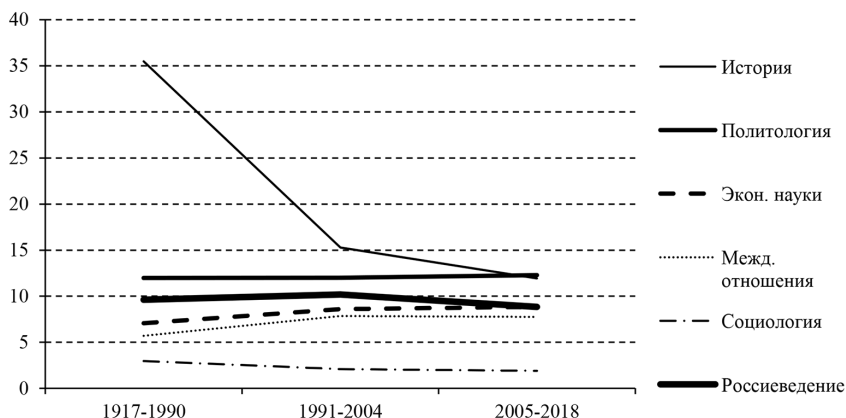

Рис. 3 Доля ряда общественных и гуманитарных наук в общем числе опубликованных в 1917–2018 гг. на Западе на английском языке работ, посвященных России (в %).

Источник: Web of Science и расчеты автора.

После уточнения картина выглядит следующим образом. На фоне общего роста опубликованных на Западе исследований отдельных стран доля регионоведения неуклонно сокращается. Росиеведение вписывается в этот тренд. Исключение, по всей вероятности, составляют лишь новые и ранее недостаточно изученные страны. Регионоведение, а также другие общественные и гуманитарные науки, постепенно вытесняются естественными науками в качестве поставщика знания о конкретных странах. Доля шести отслеживаемых дисциплин, включая регионоведение, в публикациях 2004–2018 гг. о Болгарии составила 32,2%, о Польше – 31,9%, об Иране – 27,2%, о Китае – 25,4%, о Казахстане – 25,3%, об Индии – 21,2%, о Бразилии – 16,4%, об ЮАР – 14%.

Каковы причины наблюдаемого упадка региональных исследований? Хотя строгая проверка соответствующих гипотез требует дополнительных исследований, можно предварительным образом выделить четыре возможные причины: процессы глобализации, связь регионоведения с геополитикой, преобладание в региональных исследованиях нормативных аспектов над позитивными и тенденция к описательности.

Глобализация

В условиях глобализации интерес к страновой специфике по сравнению с изучением предположительно универсальных процессов сокращается. В политике [Badie 1992], культуре [Appadurai 1996], обществе, не говоря уже об экономике как одной из основных движущих сил глобализации, все более проступают сходные черты в самых разных странах. Этот процесс приобретает особенно явные формы в случае “вестернизации”, или распространения западных институциональных моделей в странах, которые ранее обладали своими собственными, уникальными институтами. Потому нередко задаются вопросом: зачем изучать страновую специфику, если рано или поздно локальные институты замещаются теми, которые и так хорошо известны на Западе?

Институт рынка иллюстрирует данную логику. В той мере, в какой национальные экономики подчиняются логике глобального рынка, они утрачивают какую-либо специфику. Тогда “результаты предопределяются обезличенными взаимодействиями на рынке” [Strange 1996, pp. 12–13], которые не только хорошо изучены западными экономистами, но и активно пропагандируются ими. Представители мейнстрима в экономической науке поэтому не рассматривают в качестве значимых локальные институты. В этом их отличие, скажем, от сторонников оригинального институционализма, для которых основной интерес заключался в выявлении и изучении локальных институтов. Д. Коммонс, к примеру, развивал идею о ключевой роли законов и других правовых институтов для развития капитализма. А согласно одной из трактовок, “существующие традиции людей определяют закон” [Commons 1959, p. 299].

Примечательно, что экономическая наука оказалась единственным исключением из описанной ранее тенденции к вытеснению естественными науками социальных и гуманитарных в качестве источника знаний о конкретных странах. Доля экономических работ в 2005–2018 гг. в общем числе публикаций о включенных в выборку странах выросла по сравнению с 1917–1990 гг. на 8%. Для сравнения – доля остальных отслеживаемых дисциплин в тот же период сократилась: на 39,2% в случае международных отношений, на 40,9% – политологии, на 41,9% – социологии, на 43,5% – регионоведения, и на 55,3% – истории. То есть в условиях глобализации экономическая наука не только сохранила, но и укрепила свои позиции в изучении на Западе большинства включенных в выборку стран, за исключением исчезнувшего СССР (см. рис. 4).

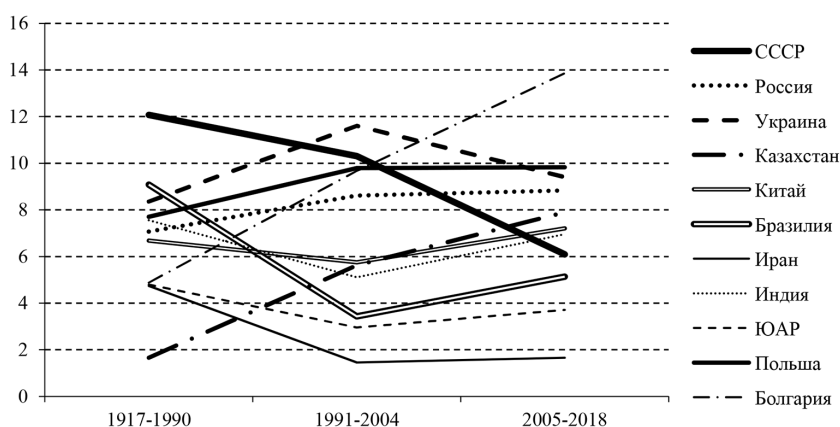

Рис. 4. Доля экономических наук в общем числе опубликованных в 1917–2018 гг. на Западе на английском языке работ, посвященных конкретным странам (в %).

Источник: Web of Science и расчеты автора.

Другая возможная причина упадка регионалистики – ее тесные связи с геополитикой. В этих условиях возникают сомнения в объективности и непредвзятости проводимых на Западе региональных исследований, что негативно сказывается на их сугубо научной репутации.

С аналогичными проблемами сталкивалась в период своего расцвета антропология. Ее развитие на начальном этапе во многом обуславливалось потребностью в понимании представителями метрополий – Британии, Франции, Бельгии, Германии – ситуации в своих колониях для оптимизации управления ими. Связь между модой на антропологию и традиционным империализмом, понимаемым как территориальная экспансия, была столь явной, что видные антропологи даже задавались вопросом о том, не означало ли завершение эпохи классического империализма в 1960-е гг. одновременно и конец антропологии [Geertz 1996, p. 134].

На службе у геополитики

Связь регионоведения с геополитикой тоже сильна, особенно в случае советологии. Целый ряд известных исследований в области советологии, включая анализ восприятия власти советскими людьми [Mead 2001], был осуществлен по заказу и благодаря финансированию военных и структур, ответственных за национальную безопасность. Упомянутое выше исследование 1955 г. антрополога М. Мид примечательно еще и в качестве подтверждения “наследственной связи” между антропологией и советологией. Геополитика имеет мало общего с современной наукой, о чем свидетельствуют такие ее характерные особенности, как оценка территории в зависимости от ее географического расположения, приоритет территориальной экспансии и конкуренции между государствами за редкие ресурсы, рассмотрение баланса военной силы в качестве основы международных отношений, а международного права – как незначимого фактора [Teschke 2011].

Преобладание нормативных утверждений

Одним из последствий вестернизации как особой формы глобализации и тесной связи с геополитикой стало преобладание в регионоведении нормативных утверждений и подходов над позитивными. Использование Запада в качестве модели развития и точки отсчета задает в регионоведении особую шкалу ценностей. Ситуация в исследуемых странах при этом получает одобрение, если она приближается к западным стандартам, и наоборот, порицается, если выявляется любое несоответствие. Современная же наука, напротив, во многом следует призыву Ф. Бэкона “писать о том, что люди в действительности делают, а не о том, что они должны делать” (цит. по [Merton 1973, p. 344]).

Регионоведение, особенно в случае советологии, по этой причине было чрезвычайно идеологизировано. В работах советологов преобладали черно-белые тона: белые – при описании ситуации на Западе в качестве точки отсчета, черные – при выявлении отклонений от них в Советском Союзе. Не удалось в полной мере избавиться от черно-белого взгляда на вещи и руссиеведению.

По этой причине западные критики капитализма иногда ошибочно воспринимают российскую модель в качестве более гуманной альтернативы [Chomsky, Vltchek 2013]. Не вдаваясь в детали, они следуют, казалось бы, простой логике: раз современная Россия преимущественно критикуется западными руссиеведами по причине несоответствия западным стандартам, то ее институциональная модель может рассматриваться как предпочтительная. При этом упускается, что ввиду идеологизации руссиеведения нельзя исключить совершенно иной расклад, при котором и западная, и российская модели достойны критики, хотя и не обязательно по одним и тем же основаниям.

Собирание фактов

Список расхождений между регионоведением и современной наукой можно продолжить. Р. Коллинз выделяет три компонента успешных наук: эмпирическая ориентация, наличие методологии исследования и способность к генерированию абстрактных теорий [Collins 1998]. Наличие сильно выраженной эмпирической компоненты в регионоведении трудно отрицать. А вот с методологией исследований и генерированием абстрактных теорий – проблема. В некотором смысле регионоведение можно сравнить с собиранием фактов, за которым не следует ни развитие методологии, ни создание теории. С этой точки зрения, регионоведение сходно с традиционной, домодерной наукой, которая преимущественно эмпирична, но не имеет методологии и оторвана от теории [Collins 1998, p. 535]. Слабость методологической и теоретической компонент регионоведения в полной мере проявилась в неспособности к предсказанию таких ключевых событий, как распад Советского Союза (в случае советологии) и “гибридная” война России с Украиной (в случае россиеведения).

Распад Советского Союза и социалистической системы в целом застал советологов врасплох. Если некоторые из них и не исключали развития событий по такому сценарию, то они ошибались в отношении их движущих сил. Так, Э. Каррер д’Анкокс видела основную угрозу существованию СССР в обострении межнациональных отношений [Carrère d’Encausse 1979], а цитированный ранее Коллинз (одно время тоже пробовавший себя в советологии) – в территориальной экспансии за пределы, в рамках которых государство способно сохранять монополию на использование насилия [Collins 1995]. Среди экономистов было принято подчеркивать угрозы, связанные со становлением экономики дефицита [Корнаи 1990] и с затяжным падением мировых цен на нефть [Гайдар 2006]. Однако комплексной теории дезинтеграции социалистической системы не было предложено ни в 1980-е гг., ни сегодня. Потому вопрос о внутренней стабильности, скажем, созданных сегодня в России или Китае социально-экономических систем остается открытым. Повторение казуса с неожиданным распадом СССР нельзя исключить.

Аналогично, начало “гибридной” войны России с Украиной стало неожиданностью как для россиеведов, так и для специалистов по исследованию Украины. Украинская ситуация рассматривалась как стабильная даже накануне Революции достоинства 2013–2014 гг. [Virág 2012, p. 640]. В рейтингах нестабильных государств (*fragile states*) Украина занимала более низкие места по сравнению с Россией. К примеру, в 2013 г. Россия находилась на 80-м месте, а Украина – на 118-м (чем ниже место, тем стабильнее расценивалась ситуация [Fund of Peace... 2013]). Исследование весьма перспективных для понимания причин “гибридной войны” параллелей между Россией образца 1990-х гг. и Веймарской Германией было начато [Brubaker 1996], но до создания комплексной теории дело так и не дошло. И сегодня нет как понимания природы “гибридной” войны, так и предложения вариантов ее завершения.

Между универсализмом и партикуляризмом

Постепенный упадок регионоведения (в некоторых случаях – исследования Китая – он принимает более отчетливые формы, чем в других – россиеведение) оставляет открытой проблему, ради решения которой данная область исследований, собственно, и формировалась. Речь идет о соотношении универсальных и партикулярных теорий и концептов. Применение претендующих на универсальность теорий и концептов к исследованиям отдельных случаев, будь то Советский Союз или Китай, регулярно наталкивалось на препятствия. Западные конструкты не всегда оказывались применимыми в не-западной институциональной среде. Выход из моды регионоведения не отменяет необходимости поисков компромиссов между универсализмом и партикуляризмом в научных исследованиях. Потребность в таких усилиях в условиях глобализации только

возрастает, о чем свидетельствуют, например, аргументы в пользу “вернакуляризации”, или перевода на язык локальных терминов и практик, таких изначально универсальных концептов, как права человека [Merry 2006, p. 6].

При новых попытках занять данную нишу стоит учитывать уроки регионоведения, дабы не избежать повторения тех же ошибок. Во-первых, стоит четко провести границу между политикой (в данном случае, геополитикой) и наукой. Без этого исследования будут по-прежнему носить преимущественно нормативный, а не позитивный характер. Во-вторых, не отказываясь от сильной эмпирической составляющей региональных исследований, необходимо работать над двумя другими компонентами успешных наук – методологией исследований и генерированием абстрактных теорий.

Учитывая значительный объем качественных данных (тексты, изображения), собранный в ходе региональных исследований, развитие методов контент-анализа представляется особенно перспективным. Согласно определению К. Криппендорфа, “контент-анализ представляет собой исследовательский метод, позволяющий надежным и верным образом судить о контекстах использования текстов и других носителей качественной информации” [Krippendorff 2004, p. 18]. Исследование стран и культур предполагает уделение особого внимания институциональному контексту, в котором они существуют. Еще одно преимущество контент-анализа – возможность преобразовать качественные данные в количественные (цифровой формат), что открывает перспективы для использования более широкого круга методов обработки данных.

Что касается генерирования теорий, то концепт множественности современности, или *multiple modernities* [Eisenstadt 2000], позволяет существенно продвинуться в данном направлении. Этот концепт предполагает, что в условиях глобализации различные общества сталкиваются со сходными проблемами, но находимые в разных странах решения преимущественно уникальны. К примеру, наряду с западной версией универсальных институтов, обеспечивающих взаимодействия на глобальном уровне, присутствует и множество не-западных – в недавнем прошлом советская, сегодня исламская и так далее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Веблен Т. (1984) Теория праздного класса. М.: Прогресс.
- Гайдар Е.Т. (2006) Гибель империи: уроки для современной России. М.: РОССПЭН.
- Корнаи Я. (1990) Дефицит. М.: Наука.
- Макаренко В.П. (2009) Научно-обывательское знание – интеллектуально-политические моды? // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. № 2. С. 5–28.
- Олейник А.Н. (2011) Власть и рынок: система социально-экономического господства в России “нулевых годов”. М.: РОССПЭН.
- Труды по руссиеведению: сборник научных трудов (2009) / Центр руссиеведения ИНИОН РАН; Гл. ред. И.И. Глебова. М.: ИНИОН.
- Appadurai A. (1996) *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press.
- Badie B. (1992) *L'Etat importé: Essai sur l'occidentalisation de l'ordre politique*. Paris: Fayard.
- Brubaker R. (1996) *Nationalism reframed: nationhood and the national question in the New Europe*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Carrère d'Encausse H. (1979) *Decline of an Empire: The Soviet Socialist Republics in Revolt*. New York: Newsweek Books.
- Chomsky N., Vltchek A. (2013) *On Western Terrorism: From Hiroshima to Drone Warfare*. London: Pluto.
- Collins R. (1995) Prediction in Macrosociology: The Case of the Soviet Collapse // *American Journal of Sociology*. Vol. 100. No. 6. Pp. 1552–1593.
- Collins R. (1998) *The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change*. Cambridge (MA), London: The Belknap Press of Harvard Univ. Press.
- Commons J.R. (1959) *Legal Foundations of Capitalism*. Madison: Univ. of Wisconsin Press.

- Croan M. (1959) The Politics of Marxist Sovietology: Otto Bauer's vision // *The Journal of Politics*. Vol. 21. No. 4. Pp. 575–591.
- Eisenstadt S.N. (2000) Multiple modernities // *Daedalus*. Vol. 129. No. 1. Pp. 1–29.
- Fund of Peace (2013) Fragile States Index – 2013 (<https://fragilestatesindex.org/excel/>).
- Geertz C. (1996 [1988]) *Ici et Là-bas: L'anthropologue comme acteur*. Paris: Editions Métailié.
- Krippendorff K. (2004) *Content Analysis: An Introduction to Its Methodology*. Thousand Oaks (CA): Sage.
- Mead M. (2001) Soviet Attitudes Toward Authority // Mead M., Gorer G. and Rickman J. *Russian Culture*. New York: Berghahn Books. Pp. 161–319.
- Merry S.E. (2006) *Human Rights and Gender Violence: Translating International Law into Local Justice*. Chicago: Univ. of Chicago Press.
- Merton R.K. (1973) *The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations*. Chicago: Univ. of Chicago Press.
- Strange S. (1996) *The Retreat of the State: The Diffusion of Power in the World Economy*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Teschke B. (2011) Geopolitics // Badie B., Berg-Schlosser D. and Morlino L. (Eds.) *International Encyclopedia of Political Science*. Thousand Oaks (CA): Sage. Pp. 970–972.
- Virág A. (2012) The Cultural and Geopolitical Dimensions of Nation-Building in the Ukraine // *Society and Economy*. Vol. 34. No. 4. Pp. 619–641.

The rise and fall of area studies

A.N. OLEINIK*

***Oleinik Anton** – Doctor of Economics, PhD (Sociology), Professor of the Memorial University of Newfoundland (Canada) and Leading Researcher at TSEMI RAS (Moscow). Address: Sociology Department Memorial University of Newfoundland St. John's, NL A1C 5S7 Canada. E-mail: aoleynik@mun.ca

Abstract

The share of area studies in the body of knowledge on non-Western countries, including China and Russia, published in the West is decreasing. Several possible explanations for the relative fall of area studies are advanced: globalization, tight connections with geopolitics, the prevalence of normative aspects over positive ones and the drift into a purely descriptive research. Studies of specific countries have a chance to overcome the current crisis provided that they get disconnected from geopolitics, develop more rigorous research methods (e.g., on the basis of content analysis) and build theories (for instance, using the concept of multiple modernities as a starting point).

Keywords: Sovietology, Russian studies, area studies.

REFERENCES

- Appadurai A. (1996) *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press.
- Badie B. (1992) *L'Etat importé: Essai sur l'occidentalisation de l'ordre politique*. Paris: Fayard.
- Brubaker R. (1996) *Nationalism reframed: nationhood and the national question in the New Europe*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Carrère d'Encausse H. (1979) *Decline of an Empire: The Soviet Socialist Republics in Revolt*. New York: Newsweek Books.
- Chomsky N., Vltchek A. (2013) *On Western Terrorism: From Hiroshima to Drone Warfare*. London: Pluto.
- Collins R. (1995) Prediction in Macrosociology: The Case of the Soviet Collapse. *American Journal of Sociology*, vol. 100, no. 6, pp. 1552–1593.
- Collins R. (1998) *The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change*. Cambridge (MA); London: The Belknap Press of Harvard Univ. Press.

- Commons J.R. (1959) *Legal Foundations of Capitalism*. Madison: The Univ. of Wisconsin Press.
- Croan M. (1959) The Politics of Marxist Sovietology: Otto Bauer's vision. *The Journal of Politics*, vol. 21, no. 4, pp. 575–591.
- Eisenstadt S.N. (2000) Multiple modernities. *Daedalus*, vol. 129, no. 1, pp. 1–29.
- Fund of Peace (2013) *Fragile States Index – 2013* (<https://fragilestatesindex.org/excel/>).
- Gaydar E.T. (2006) *Gibel imperii: uroki dlya sovremennoy Rossii* [The death of the empire: lessons for modern Russia]. Moscow: ROSSPEN.
- Geertz C. (1996) *Ici et Là-bas: L'anthropologue comme acteur*. Paris: Editions Métailié,
- Kornai Ya. (1990) *Defitsit* [Economics of Shortage]. Moscow: Nauka.
- Krippendorff K. (2004) *Content Analysis: An Introduction to Its Methodology*. Thousand Oaks (CA): Sage.
- Makearenko V.P. (2009) Nauchno-obyvatelskoye znaniye – intellektualno-politicheskiye mody? [Scientific and philistine knowledge – intellectual and political fashion?]. *Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy*, no. 2, pp. 5–28.
- Mead M. (2001 [1955]) Soviet Attitudes Toward Authority. Mead M., Gorer G. and Rickman J. *Russian Culture*. New York: Berghahn Books, pp. 161–319.
- Merry S.E. (2006) *Human Rights and Gender Violence: Translating International Law into Local Justice*. Chicago: The Univ. of Chicago Press.
- Merton R.K. (1973) *The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations*. Chicago: The Univ. of Chicago Press.
- Oleynik A.N. (2011) *Vlast' i rynek: sistema sotsialno-ekonomicheskogo gospodstva v Rossii “nulevykh godov”* [Power and market: the system of socio-economic domination in Russia “zero years”]. Moscow: ROSSPEN.
- Strange S. (1996) *The Retreat of the State: The Diffusion of Power in the World Economy*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Teschke B. (2011) Geopolitics. Badie B., Berg-Schlosser D. and Morlino L. (Eds.) *International Encyclopedia of Political Science*. Thousand Oaks (CA): Sage, pp. 970–972.
- Trudy po rossiyevedeniyu: sbornik nauchnykh trudov* (2009) [Works on Russian Studies: collection of scientific works]. Tsentr rossiyevedeniya INION RAN, Gl. red. I.I. Glebova [Center for Russian Studies of the INION RAS, Ch. ed. I.I. Glebova]. Moscow: INION.
- Veblen T. (1984) *Teoriya prazdnogo klassa* [Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions]. Moscow: Progress.
- Virág A. (2012) The Cultural and Geopolitical Dimensions of Nation-Building in the Ukraine. *Society and Economy*, vol. 34, no. 4, pp. 619–641.